

Ван Дачжуан видел, что Юй Чанцин вот-вот рассердится, и, ища спасительный выход, немедленно пояснил:

— Конечно, нет! Как Сяньцзюнь может быть обузой? Ты самый сильный! Просто ты ещё не оправился от ран, тебе не стоит утомляться. Лучше я схожу, добуду свежей дичи, чтобы подкрепить тебя. А как только ты поправишься, тебе достаточно будет лишь взмахнуть рукой — и сразу набьёшь кучу добычи! Ха-ха!

— Посмотри на себя, почему у тебя в глазах одна добыча? — фыркнул Юй Чанцин.

Когда он выздоровеет, он сможет сделать куда больше, чем просто добывать дичь. Этот дурак даже не представляет себе, на что он способен! Впрочем, если Ван Дачжуан хочет охотиться — так и быть, он ему поможет. Какая ерунда — какая-то охота! Если только это делает его счастливым, он может достать для него сколько угодно добычи.

Ван Дачжуан улыбнулся.

— Я живу охотой, так что, конечно, она для меня важна. Завтра утром, перед уходом, я приготовлю тебе еду, оставлю огонь в очаге, ты сможешь разогреть её, когда проснёшься. Вечером вернусь пораньше. Если удастся подстрелить что-нибудь небольшое, занесу сестрице Цуйхуа и её семье, но не задержусь надолго — успею приготовить тебе ужин.

Цуйхуа, Цуйхуа... опять эта Цуйхуа!

Треск. Палочки в руке Юй Чанцина с хрустом раскололись пополам, упав на стол.

Ван Дачжуан вздрогнул и тут же схватил его за руку, осматривая.

— Что за напасть! Хорошие палочки, а взяли и сломались. Ты не поранился?

Юй Чанцин сжал губы и вдруг произнёс:

— Она дарит тебе яйца, ты даришь ей дичь, это что, свадебный выкуп?

Ван Дачжуан нахмурился:

— Не говори так. Она порядочная девушка, такие слова могут испортить ей репутацию.

— Ты так её защищаешь, если репутация пострадает, просто женись на ней, что тут такого? — холодно сказал Юй Чанцин.

Ван Дачжуан вздохнул:

— Сяньцзюнь, почему ты опять сердишься? Да, сестрица Цуйхуа шумела, мешала тебе тренироваться, но она ведь не знала, а пришла с добрыми намерениями. Это моя вина — я обещал присматривать за тобой, а вышло, что тебя потревожили...

Юй Чанцин резко выдернул руку и холодно бросил:

— Ты так ласково называешь её «сестрица Цуйхуа», «сестрица Цуйхуа», а меня — только «Сяньцзюнь». Одно слово — и сразу видно, кто тебе ближе. О чём нам вообще говорить?

С этими словами он встал, обошёл брошенную на земле одежду и вернулся в дом, с грохотом закрыв за собой дверь.

Ван Дачжуан посмотрел на закрытую дверь, затем на почти нетронутую еду, и не смог сдержать вдоха. Только что всё было хорошо, что опять случилось? О чём это он вообще?

* * *

Юй Чанцин сел на кровать, хмурый, как туча. Через некоторое время он провёл рукой по лбу и вздохнул.

Он сам понимал, что его слова были несправедливыми, а эта внезапная злость возникла словно из ниоткуда.

Он оказался в этой глуши, раненый и беспомощный. Если бы не доброта Ван Дачжуана, он мог бы и не выжить. Тот даже рисковал жизнью, чтобы добыть для него редчайшие плоды Чи Юй, что, возможно, спасло ему жизнь. Ему следовало бы быть благодарным. А он вместо этого постоянно злится на него и ведёт себя как капризный ребёнок...

Но стоило ему услышать, как тот говорит о «сестрице Цуйхуа», — и в груди вспыхнуло такое раздражение, что невозможно было удержаться.

Он подпёр голову рукой и тихо вздохнул. Он всегда был неприятным человеком, с плохим языком, узким кругозором и мрачным характером, который никому не нравился. Только старший брат-наставник и Ван Дачжуан относились к нему с искренней добротой. Старший брат-наставник заботился о нём, будучи главой секты, был слишком занят. Иногда он присылал чай или пару тёплых слов, но на большее у него просто не было времени.

За сотни лет общения старший брат-наставник хорошо знал его характер. А Ван Дачжуан... тот считал его сдержанным и благородным бессмертным, холодным снаружи, но добрым внутри. А теперь увидел, каким он бывает на самом деле — раздражительным, мелочным и порой даже злобным. Что, если теперь он начнёт его избегать?

В голове Юй Чанцина раздался насмешливый голос: «Цуйхуа молодая и красивая, её голос звонкий, а характер живой и весёлый. Она похожа на бутон цветка, ещё покрытый утренней росой. Ты сам слышал, как она говорит: ей Дачжуан явно нравится. А ты? Вечно хмурый, злой, да ещё и больной. Настроение меняется, как ветер в горах. Она дарит ему яйца, а ты можешь только отправить его в холодный пруд. В сердце Ван Дачжуана, как ты можешь сравниться с Ван Цуйхуа, с которой он вырос вместе? Женщина, если захочет, легко покорит мужчину...»

Юй Чанцин со злостью прогнал эти мысли. Только подумать, его поведение было похоже на ревность к этой самой Ван Цуйхуа! Он, Юй Чанцин, могущественный Почтенный Ханьян и вдруг ревнует к какой-то деревенской девке? Это просто смешно!

Просто он в порыве гнева сказал лишнее, в будущем нужно быть сдержаннее. Ван Дачжуан спас его, приютил, чтобы он мог вылечить раны, это уже крайняя степень доброты, а он снова и снова злится на него, это действительно неправильно.

Он тяжело вздохнул, сел на кровать и попытался успокоить свои мысли, но тщетно. В груди так и бушевало непонятное раздражение. Наверное, всё из-за ранения. С таким расстроенным сердцем тренироваться только во вред.

* * *

Тем временем Ван Дачжуан убрал со стола посуду, но, повертевшись на месте, всё же не выдержал и тихонько заглянул в комнату. Он увидел, что прекрасный, неземной Сяньцзюнь сидел на кровати, опустив взгляд и рассеянно разглядывая свои изящные руки.

Услышав, как кто-то вошёл, Юй Чанцин лишь слегка поднял глаза, взглянул на него и снова опустил голову.

Ван Дачжуан подошёл и сел на стул у кровати, посмотрел на него и осторожно спросил:

— Сяньцзюнь, ты всё ещё сердишься?

Юй Чанцин не ответил.

Ван Дачжуан почесал затылок и попробовал снова:

— Дядя Ван Эршу говорил, что злиться вредно для здоровья. А у тебя тело слабое, если будешь так часто сердиться, ничего хорошего не выйдет.

Юй Чанцин наконец поднял глаза и сказал:

— Не обращай внимания на мои слова.

— Да я понимаю, — сразу сказал Ван Дачжуан. — Когда человек болеет, у него характер становится хуже. Вот, например, наш сосед Шуньцзы, когда сломал ногу, каждый день кричал и ругался, так что его жена вечно плакала. Но потом дядя Ван Эршу его вылечил, и он снова стал добрым. Так что раз ты снова можешь злиться, значит, тебе лучше, и это даже хорошо!

Юй Чанцин едва заметно сжал губы, спрятал руки в рукава и спокойно сказал:

— Мой характер такой от природы. Даже когда я выздоровею, я не изменюсь.

Ван Дачжуан на мгновение опешил, но быстро нашёлся:

— Ну и ладно! У кого большая сила, у того и характер непростой. Тем более, что ты очень хороший человек...

— Нет, — резко оборвал его Юй Чанцин. — Я вовсе не хороший человек. Я злопамятный, жестокий и мстительный. Все, кто меня знает, подтвердят это.

<http://bllate.org/book/12569/1117921>